

Тимофей Бордачев

Высшая школа экономики

Европа и Россия: что делать?

Пандемия Covid-19, политический кризис в Беларуси и дело Навального сделали 2020 год самым сложным в отношениях между ЕС и Россией с 2014 года.

Экспертная сеть ЕС-Россия по внешней политике (EUREN) в этом году размышляла над [«Альтернативными сценариями отношений между ЕС и Россией в 2030 году»](#).

Мы также попросили членов EUREN поделиться своими взглядами на текущие события. Эта статья является частью серии «Отношения России и ЕС — что дальше?».

Смотрите также статьи

[Давида Кадье](#)

[Сабины Фишер](#)

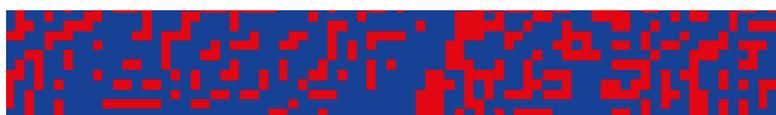
[Татьяны Романовой](#)

[Ханны Смит](#)

[Ивана Тимофеева](#)

[Сергея Уткина](#)

[Эрнеста Вычишкевича](#)

Учитывая то, насколько много Россия и Европа всегда значили для выживания друг друга, фундаментальные вопросы их отношений обсуждаются меньше, чем это стоило бы ожидать. Главный из этих вопросов — возможно или нет включение России во внутренний европейский баланс сил, на котором сейчас основано монументальное здание европейской интеграции? Кризис в двусторонних европейско-российских отношениях связан с очевидным отсутствием успеха у предыдущей попытки создать для такого включения хотя бы убедительные предпосылки. Текущее обострение дипломатических отношений между Москвой и главными европейскими державами — это, безусловно, следствие данного кризиса. Но одновременно реакция сторон на поведение друг друга является сигналом о переходе наших отношений в новое качество. Не случайно, что наиболее проницательные коллеги уже успели возвестить об этом в своих оценках событий последних нескольких месяцев.

Мы знаем, что наиболее распространенная сейчас в близких к правительству кругах российских экспертов точка зрения считает потенциал диалога с Европой более чем скромным. Достаточно общим местом стало полагать, что Европа погружена в неисчислимое количество внутренних проблем и большинство усилий европейских лидеров направлены на сохранение достижений интеграции. Это, наряду с недостаточными возможностями проявить себя на мировой арене делает Европейский союз не только непростым, но и малоинтересным партнером. Вряд ли у нас есть основания сомневаться, что коллеги в европейских государствах могут привести сравнимое количество доводов в пользу того, что и Россия сейчас не находится в состоянии готовности к конструктивному взаимодействию.

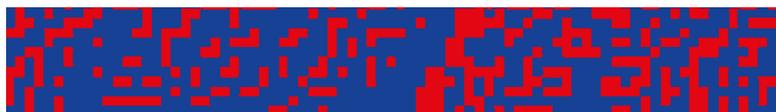
Существуют, вместе с тем, факторы, внушающие оптимистичный оптимизм. Широко распространившиеся в связи с пандемией коронавируса карантинные меры и так ведут к сворачиванию множества привычных раньше контактов и институциональных возможностей диалога. Важнейшие вопросы экономических отношений также пока не затронуты — завершение строительства газопровода Северный поток — 2 для обеих сторон является вопросом национального престижа и экономической независимости. Мы можем быть уверены в том, что этот проект будет реализован, как и продолжатся европейские инвестиции в те секторы российской экономики, которые процветают в современных условиях.

Однако самая хорошая новость, наверное, состоит в том, что отношения России и Европы действительно

уже перестали следовать направлению, которое ранее привело их в кризисное состояние. Во-первых, внешнеполитические стратегии партнеров уже не требуют искать решение обозначенной выше проблемы включения России в европейский баланс сил и институты. Вряд ли Москва стремится сейчас добиться доминирования в Европе, либо присоединения к европейскому «концерту» демократических наций. Постоянное укрепление отношений между Россией и Китаем, а также постепенное смещение центра тяжести российской стратегии на Восток избавляют страну от необходимости решать свою «европейскую проблему». Россия занималась этой проблемой на протяжении как минимум 300 лет своей суверенной истории и это всегда было важным вызовом для европейской стабильности.

Европейские государства, со своей стороны, постепенно ставят перед собой новые стратегические цели. Главная из этих целей — сохранение внешнеполитической самостоятельности в меняющемся глобальном контексте. Период внешней экспансии Европы закончился с достижением большинства ее естественных границ. То, насколько спокойно ведущие европейские державы отреагировали на внутривнутриполитический кризис в Белоруссии объясняется не только отсутствием там инфраструктуры или пониманием российской решимости. Белоруссия — это достаточно компактная страна и теоретически могла бы найти свое место в Европе. Но несмотря на массовое недовольство правлением Лукашенко, вряд ли можно говорить даже о той степени гармонии выбора в пользу Европы, которую мы видим на Украине. Поведение ЕС во время событий августа — сентября 2020 года стало результатом отсутствия внутренних возможностей для дальнейшего расширения. Даже если отдельные страны ЕС, такие, как Польша, будут в ближайшее время содействовать радикализации протестов в Белоруссии.

Россия, со своей стороны, перестала вынашивать идеи переустройства европейского порядка так, чтобы она занимала в нем место, отвечающее ее совокупным силовым возможностям. Элементы изоляционизма, наметившиеся в российской внешнеполитической дискуссии на фоне пандемии, усиливаются на фоне опасений оказаться вовлеченными в разрастающийся конфликт Китая и США. В отношении Европы на благодатную почву упали предложения на несколько лет свернуть общеполитические контакты, что в сентябре 2020 года нашло подтверждение в высказываниях на уровне главы российского МИД. Эти заявления произвели особенно заметный информационный эффект, поскольку традиционно Москва поддерживала продолжение политического диалога в любой кон-

фликтной ситуации. Даже непосредственно в день, когда Сергей Лавров заявил о возможности приостановить общение с Европой, в Брюсселе проходили консультации на уровне одного из его заместителей и представителей Европейского союза.

Такая последовательность оставляет надежду на то, что продолжатся формальные контакты между российским МИД и Европейской комиссией с целью взаимного информирования по тем вопросам, где это необходимо делать. Одновременно вряд ли мы можем рассчитывать на восстановление в течение ближайших 5-7 лет даже части тех многочисленных рабочих форматов по конкретным вопросам взаимодействия, которые были созданы в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве от 1997 года и прочих совместных решений. Это относится, конечно, и к саммитам Россия — ЕС, исчерпавшим свой потенциал уже за несколько лет до начала кризиса вокруг Украины.

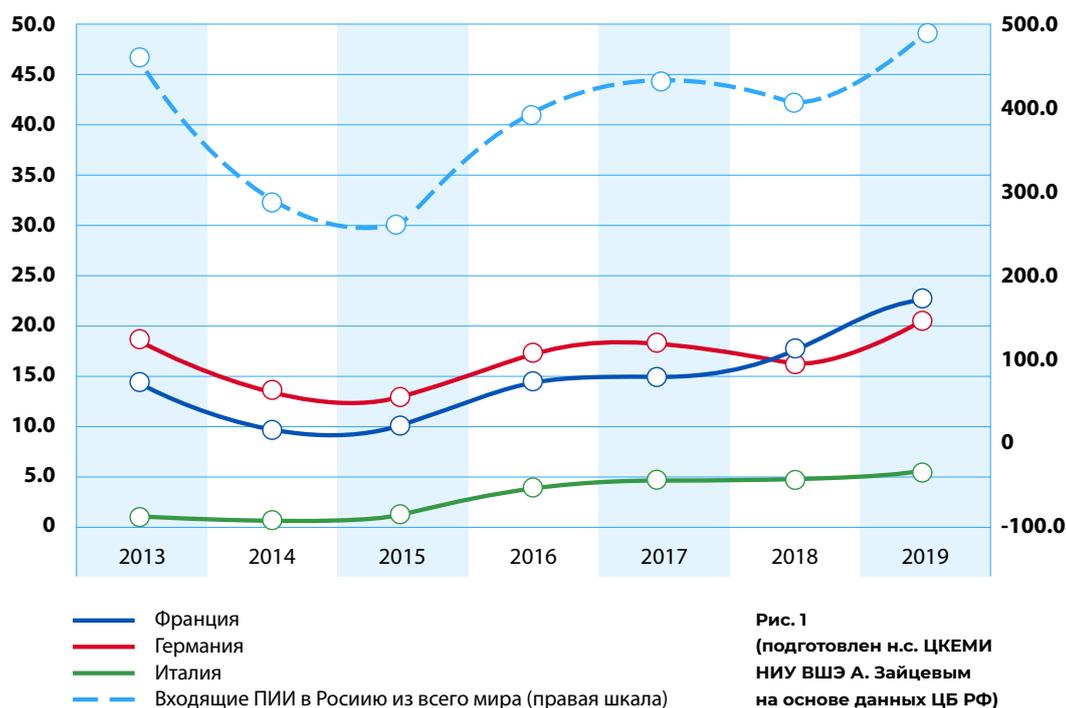
В качестве отдельного направления, где Россия и ЕС пересекаются можно отметить фрагментарные контакты между Брюсселем и органами Евразийского экономического союза. Несмотря на то, что в предстоящие несколько лет этот проект многостороннего сотрудничества будет находиться в состоянии стагнации, часть вопросов внешнеэкономической деятельности и технического регулирования уже предполагают участие представителей его исполнительного

органа — Евразийской экономической комиссии. Эти формы диалога будут необходимы и достаточны для решения тех задач, которые Россия и Европа могут ставить перед собой за пределами парадигмы «доверия и интеграции», оставшейся в прошлом.

Новая динамика возникает в экономических отношениях России и стран ЕС. Если посмотреть на три ведущие экономики ЕС — Германию, Францию и Италию — мы увидим, что в 2015-2019 гг. все три страны наращивали свое присутствие в России. Наиболее активно это делала Италия: объем накопленных ПИИ вырос в 5.4 раза, у Франции — в 2.2 раза, Германии — в 1.6 раза. При этом с 2018 года Франция обогнала Германию по объему ПИИ в России (см. Рис 1). На конец 2019 г. Франция и Германия занимали 2 и 3 место соответственно по объему накопленных ПИИ в Россию (22.4 и 20.4 млрд. долл. соответственно). Италия занимала 7 место — 5.2 млрд. долларов. Франция и Италия также активнее всех других стран инвестировали в Россию. Их доли в структуре накопленных ПИИ выросли (у Франции с 3.8% в 2015 до 4.5% в 2019 году, у Италии — с 0,4% в 2015 году до 1% в 2019 году).

Несколько отстала, правда, Германия. Несмотря на то, что в целом долларовые объемы выросли, доля ведущей экономики ЕС в структуре накопленных в России ПИИ снизилась. Это связано с тем, что остальной мир более активно, чем Германия, ин-

Накопленные прямые иностранные инвестиции в Российскую Федерацию, млрд. долл.

вестировал в Россию (общий объем входящих ПИИ из всего мира за этот период вырос в 1.9 раза, а Германские ПИИ только в 1.6 раза). В ближайшие годы мы могли бы ожидать продолжения инвестиций в производство на территории России продукции не только для российского рынка, но и для стран ЕАЭС и Азии. Этому способствует постоянно усиливающаяся транспортно-логистическая связанность российского и азиатского рынков. В том случае, если российское правительство решится на более масштабные формы взаимной экономической открытости с Китаем, такие инвестиции станут еще более выгодными.

В международно-политическом отношении, условная «линия разграничения» между интересами Европейского союза и России выглядит сейчас более явственно, чем на всем протяжении последних 30 лет. То, что Украина останется спорной территорией, где попеременно будут лидировать европейские и российские интересы. Как показали прошедшие недавно местные выборы в этой стране, население не отдает явного предпочтения какой-либо одной консолидированной вокруг «европейского выбора» силы. Даже если после военных событий 2014-2015 годов Москва и не может рассчитывать на дружественный характер правительства в Киеве еще лет 10-15, геополитическое положение этой страны сохранит свою двойственность.

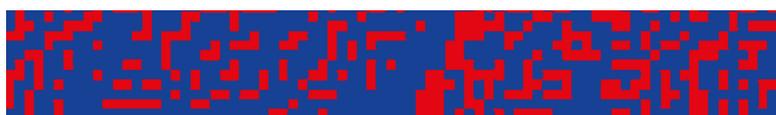
В отношении Белоруссии на Россию и Германию ложится особая ответственность для того, чтобы содействовать постепенным конституционным реформам и пресекать попытки стран-соседей добиться там радикальных изменений вне правового поля. Последние события позволил сторонам значительно продвинуться в сторону большей определенности намерений в отношении общих соседей. Создаются предпосылки для частичной деконфликтации (deconfliction) отношений России и Европы поскольку конфликтный потенциал будет снижаться по мере сокращения сфер пересечения непосредственных интересов. В первую очередь, в связи с тем, что из отношений вымываются вопросы, представляющие фундаментальное значение в области безопасности России и европейских государств.

Таким образом создается основа для сравнительно здоровых отношений, которые помогли бы России и Европе «скоротать время» до того, как откроются возможности для более институционализированных форм взаимодействия. Это время стоило бы использовать и резервы здесь, безусловно, есть. Так, например, поражает недостаточная развитость вза-

имодействия между Россией и Европой в академической сфере, особенно — в общественных науках. Совершенно очевидно, что пандемия коронавируса ставит перед нами не только вопросы совершенства национальных систем здравоохранения, медицины и государственного регулирования экономики, но и развития общественных отношений как такового. Политические системы европейских государств, как и российская, испытывают или будут испытывать стресс от воздействия новых вызовов и возможностей на поведение отдельных людей. Мы понимаем, что сфера образования является сейчас очень конкурентной и вряд ли много университетов будут готовы участвовать в неравных партнерствах. Естественные науки, в силу своей связи с бизнесом и вопросами национальной безопасности, также не свободны от множественных ограничителей.

Но перед учеными демографами, социологами, экономистами и даже академическими политологами России и Европы лежит колоссальный пласт проблем, которые было бы более эффективно исследовать в сравнительном контексте. Очевидно, что нас ожидает волна исследований и проектов, направленных именно на анализ событий 2020 года и их влияния на общество и государственную политику. Было бы здорово совместно обратиться к части важных, как для России, так и для Европы вопросов. Долгосрочное «сопряжение» российского и европейского обществ будет гораздо более солидным, если решения, принимаемые политиками, будут учитывать не только национальный или региональный, но и более широкий международный опыт. Тем более, что задачи развития, которые будут необходимо решать в России и Европе в будущем с высокой степенью вероятности близки по своему содержанию. И очевидно более близки, чем задачи, стоящие перед правительствами США, Китая, Индии и крупных развивающихся стран.

Вполне возможно, что сейчас международная политика вступает в эпоху, последствия которой будут не менее значимыми, чем события Первой мировой войны. Международная политика продолжает жить в условиях наступившего после Второй мировой войны «атомного порядка», или, по определению Джорджа Оруэлла «мира, который никогда не будет миром». Вряд ли мы должны ожидать того, что общее смещение центров силы в глобальной экономике и политике окажется обратимым без действительно губительных для судьбы всего человечества военных решений. Глобальная борьба за ресурсы между Китаем и США определяет, по меньшей мере, наше ближайшее будущее. Глобальный баланс сил,

который возникнет по итогам разворачивающихся сейчас процессов с наибольшей степенью вероятности определит для России и Европы если не одно место, то рядом.

Собственно, поэтому уже сейчас европейские державы и Россия стремятся не делать жесткого выбора, но при этом сохранить особые отношения с каждым из своих привилегированных партнеров. Это создает для их внешней политики новые зависимости, которые они будут должны учитывать в двусторонних отношениях. Отношения России и Европы после холодной войны никогда не были

изолированы от трансатлантического контекста, теперь они все больше должны учитывать и другой — азиатский — контекст международной политики. Современный баланс сил не позволяет России и Европе говорить о целях, более достижимых чем сравнительно неконфликтное соседство. Однако родственный характер политических систем и обществ так или иначе делает рациональным совместный поиск долгосрочной модели развития.

Ответственность за содержание этой статьи несет ее автор; публикация не отражает позицию Экспертной сети EUREN или ее отдельных членов.

